

М. Д. Новиков

Девиации в процессе проведения внутренних государственных займов 1946–1957 годов в СССР*

Государственные займы в СССР были важной частью финансовой политики, однако в процессе их реализации возникали социальные ситуации, которые можно классифицировать как девиантные. В данном случае под девиацией следует понимать любое отклонение от нормативной рамки — как в положительную, так и в отрицательную стороны.

В современной историографии послевоенных займов раскрыто немалое количество экономических и социальных сюжетов¹, однако вопрос девиаций не рассматривался в рамках самостоятельного исследования.

Цель статьи состоит в выявлении девиаций в ходе осуществления кампаний внутренних государственных займов. Чтобы достичь этой цели, необходимо определить предлагаемые государством способы поведения для граждан и их практическое осуществление, а также выявить факторы, способствовавшие появлению девиаций.

Источниковой базой для исследования выступили документы, обнаруженные в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ), Российского государственного архива экономики (далее — РГАЭ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), Центрального

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-78-01100 «Советские массовые займы 1946–1957 гг.: социальные аспекты государственной финансовой политики».

государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Среди использованных материалов — делопроизводственная документация (сводки о проведении займовых кампаний, справки о проведении кампаний в различных частях СССР, отчеты и спецсообщения о преступлениях против социалистической собственности, сводки о злоупотреблениях в системе сберкасс), письма граждан и т. д. Помимо этого, для раскрытия некоторых вопросов были привлечены сведения из периодических изданий.

Государство, проводя кампании займов, формально обозначало рамку нормативного поведения граждан. В газетах были опубликованы условия проведения займов, где указывались суммы подписки граждан. За период с 1946 по 1957 г. имелось три итерации минимального размера подписки: 1946–1952 — сумма, равная 3–4-недельному заработку; 1953–1956 — сумма, равная двухнедельному заработку; 1957 — сумма, равная двухнедельному заработку, а те, кто получал менее 500 руб. в месяц, могли не подписываться на заем. Эти условия были опорными для советских людей, однако в той же прессе восхвалялись те, кто подписывался на заемкратно больше установленного норматива. Нередко такими людьми были передовики производства, университетская профессура, деятели культуры и искусства². В партийных сводках о проведении кампаний подписки также часто фигурировали люди, подписавшиеся на суммы выше месячного заработка³. Их пример должен был мотивировать граждан с разным уровнем дохода на перевыполнение общих планов подписки, установленных партийно-государственными структурами.

Максимальный предел суммы подписки не был формально обозначен условиями выпуска займа, однако подписка по минимальному уровню тоже не была достаточной. В инструктивном письме Министерства финансов СССР от 8 марта 1947 г. № 2-6,2с встречается следующая цитата о лозунге «трех-четырёхнедельный заработок — в заём»: «Этот лозунг нельзя рассматривать как обязательный минимум или как предел подписки каждого отдельного рабочего, служащего или крестьянина»⁴. Так закреплялся приоритет политической трактовки над правовой.

В 1955 г. размеры подписки на государственные займы среди городского населения стали дифференцировать в зависимости от размера заработка. Данные изменения существовали только в Инструкции Министерства финансов СССР № 182. По принятым в ней правилам, финансовые отделы и сберкассы были обязаны «не допускать» приема сверхсумм подписки от граждан в зависимости от уровня их заработка:

1. Те, кто получал до 700 руб. в месяц, — не более суммы трехнедельного заработка;
2. Те, кто получал свыше 700 руб. в месяц, — не более суммы месячного заработка;
3. Высокооплачиваемые работники, получавшие более 2000 руб. в месяц, — неограниченная сумма подписки⁵.

Появление подобных мер можно объяснить постепенным увеличением размера внутреннего государственного долга, поскольку к 1955 г. у граждан могло скопиться немалое количество облигаций, а отказываться от проведения займовых кампаний в тот момент никто не планировал. Вместе с тем никуда не исчезала необходимость выполнения плановых показателей, что также требовало от исполнителей на местах привлечения максимального количества денежных средств.

В СМИ продолжали сообщать о людях, которые подписывались свыше обозначенных нормативов, распространяли сведения о гражданах, которые получали выигрыши по займам и качественно улучшали условия жизни (строили личные дома, приобретали новые бытовые приборы, автомобили, мотоциклы). Подобная информационная картина способствовала закреплению у советских людей мысли о благотворности займов не только в создании общественных благ, но и об их выгодном влиянии на личный уровень жизни.

Пристальное внимание уделялось гражданам, имевшим несколько официальных источников заработка, а также членам ВКП(б)-КПСС, которые не подписывались на суммы, соответствующие уровню своего заработка⁶. Для подобных граждан отклонение от этой нормы, наоборот, не воспринималось позитивно.

Нарушение принципа добровольности подписки не оставалось без внимания граждан, о чем они неоднократно писали как в периодическую печать, так и в органы власти.

Иногда руководители предприятий и парторги прибегали к преждевременной подписке граждан, чтобы к моменту официального начала кампании мог быть достигнут показатель, который был установлен для предприятия. Такая практика не одобрялась на самом высоком уровне, поскольку это квалифицировалось как нарушение принципа добровольности, однако оно не было уголовным. Если о каких-либо фактах нарушений становилось известно, то для регулирования включались методы партийной, дисциплинарной и административной ответственности. Нередко ответственные за проведение кампаний снимались со своих должностей, получали выговоры и предупреждения. Так, например, по итогам реализации займовой кампании 1952 г. в ряде районов Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики (ЧАССР) был объявлен строгий выговор председателю Крайно-Четайского райисполкома, а также были сняты с должностей отдельные заведующие районными финотделами и сберкассами⁷. Сотрудники сберкасс не обеспечили должный контроль над сбором средств и не смогли наладить работу с сельским и колхозным активом по вопросам оплаты подписки на заем, за что и потеряли свои должности. Совет министров РСФСР постановил объявить выговор за систематическое непоступление средств по займу председателю Совета министров ЧАССР и министру финансов ЧАССР и вынес предупреждение об их личной ответственности за сбор средств посредством займа на селе⁸.

При этом не исключалась возможность привлечения некоторых из отстраненных работников к судебной ответственности за возникновение убытков или присвоение взносов по займу. Это чаще распространялось на бухгалтеров, кассиров, контролеров и заведующих сберкассами, а также на налоговых агентов. Наказание могло достигать 25 лет лишения свободы⁹.

Также одним из распространенных нарушений хода подписки была невыдача облигаций советским гражданам после оплаты. Благодаря письму наемного сотрудника Управления военного строительства о невыдаче облигаций займа 1952 г. военная прокуратура обратила внимание на организацию Н. М. Павленко¹⁰.

Контроль над проведением займов в сельской местности был не менее пристальным, чем в городе. Подобная ситуация обусловлена разницей сбора средств по подписке. В городе предприятия, учреждения и организации контролировали перечисление средств через бухгалтерии, сберкассы и финансовые отделы, поэтому учет и проверка полного поступления денег по подписке была гораздо более институционализирована, чем в сельской местности, где функции по сбору средств займа были возложены на налоговых агентов. Уровень горизонтальных связей становился фактором, способствующим возникновению проблем, а сама роль налогового агента влекла высокий уровень риска, в том числе для жизни и здоровья исполнителя. Свидетельством опасности могут выступить сообщения Главного управления государственных трудовых сберкасс и государственного кредита СССР (ГУТСК и ГК СССР) о хищениях у налоговых инспекторов и их помощников взносов по займу или облигаций. Только в ноябре 1948 г. в общесоюзной сводке о злоупотреблениях фигурировали 3 сообщения об ограблении касс налоговых агентов в УССР и ЛитССР¹¹.

Главными преступными девиациями были скупка облигаций по цене ниже номинала с последующим получением выигрышей, а также подделка облигаций. По статье 59.8 Уголовного кодекса РСФСР подделка государственных ценных бумаг наказывалась не ниже 3 лет лишения свободы для индивидуальных преступников и вплоть до применения высшей меры наказания, если она была учинена по предварительному сговору в виде промысла¹². В отличие от подделки ценных бумаг, скупка облигаций не имела фиксированного состава преступления. Только в 1951 г. Пленум Верховного суда СССР вынес постановление № 5/11/у «О квалификации скупки облигаций госзаймов по пониженным против номинала ценам», которое предполагало привлечение нарушителей к ответственности по статье 59.12 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик¹³. Эта статья была связана с нарушением правил валютных операций. Ответственность за подобные нарушения предполагала лишение свободы сроком до 3 лет с конфискацией всего или части имущества¹⁴. Дополнительным документом, который регламентировал борьбу с данным явлением, была ориентировка «Об усилении борьбы со скупщиками облигаций» от 21 мая 1951 г.¹⁵

Оба вида преступлений были широко распространены, о чем свидетельствуют данные спецсообщений и справок Главного управления милиции МВД СССР.

Скупкой облигаций могли заниматься как отдельные граждане, так и организованные группы, в которых могли быть люди вполне уважаемых профессий (врачи, университетские преподаватели). В частности, в справке о результатах борьбы со спекуляцией за 1950 г. УБХСС ГУМ МВД СССР сообщило о привлечении к уголовной ответственности в Узбекской ССР врача Н. В. Шеина и его жену К. Д. Землянскую, которые занимались скупкой облигаций госзаймов из расчета 4,5–7,5 руб. за сторублевую облигацию, преследуя цель наживы на выигрышах. Шейн выигрывал в каждом тираже до 15 тыс. руб., а в ходе обыска у злоумышленников было обнаружено и изъято облигаций разных государственных займов СССР на сумму 1 478 835 руб.¹⁶

Другим примером может послужить случай 1952 г.: лектор Ереванского политехнического института кандидат химических наук Г. Т. Галфаян с 1948 г. скупал облигации по стоимости 4–7 руб. за сторублевую облигацию. Всего в его квартире были обнаружены облигации на сумму 1620000 руб. До момента ареста он получил около 70 тыс. руб. выигрышей¹⁷.

В 1954 г. в ГУМ МВД СССР вышла ориентировка об агентурно-оперативных мероприятиях по борьбе с нелегальной скупкой облигаций госзаймов. В документе отражено немалое количество сведений о механизмах взаимодействия преступников, особенностях агентурной работы с правонарушителями, а также упоминаются успехи советской милиции в борьбе с ними. Выделяли мелких скупщиков облигаций и оптовиков. Мелкие работали на рынках, маскируясь под продавцов старых вещей или нищих, а если привлекали внимание правоохранительных органов или их агентов-информаторов, то уводили потенциальных покупателей за пределы рынков или в специальные места. Мелкие продавали облигации скупщикам-оптовикам, имея выгоду в 1–2 руб. с каждой сторублевой облигации. Оптовики часто приезжали в города проведения тиражей выигрышей, чтобы успеть реализовать ценные бумаги до публикации таблиц. Все невыигрышные облигации продавались другим скупщикам по более высоким ценам¹⁸. Авторы ориентировки отмечали, что некоторые граждане писали на облигациях свои имена, что способствовало установлению преступных связей, а также привлечению свидетелей к делам о скупке.

Несмотря на подробное описание процессов и практик, существовавших в деятельности скупщиков облигаций, милиция в данном документе не давала ответа на вопросы о том, почему скупка облигаций имела место в советском обществе и что побуждало людей продавать облигации государственных займов. В подобных по характеру документах обычно сообщалось о том, какие новые или изощренные способы нарушения социалистического законодательства имели место, а итогом выступало предложение об усилении или активизации мер по борьбе со скупщиками облигаций с учетом описанного опыта.

Непосредственными преступлениями, направленными на сферу государственных ценных бумаг, были их подделка и скупка. Вместе с тем облигации займов и собранные по ним денежные средства становились объектом для краж и разбойных нападений. Их могли совершать как сотрудники системы сберкасс, так и другие преступники, что влекло за собой меры уголовной ответственности (изъятие и арест имущества, лишение свободы, высшая мера наказания). Информация о подобных нарушениях фиксировалась не только органами внутренних дел, но и ГУТСК и ГК СССР.

Органами внутренних дел у спекулянтов и других преступников часто изымались облигации госзаймов. Суммы были довольно высокими. К примеру, в 1949 г. сотрудники УБХСС изымают у преступников облигаций займа 1947 г. на 7345866 руб., а в 1950 г. — на 13815886 руб.¹⁹, и это было далеко не предел, поскольку данные со временем уточнялись в сторону увеличения.

Подделка облигаций также была довольно широко распространена. В ГА РФ сохранилась книга учета таких облигаций за период с 1948 по 1953 г., поступавших в сберкассы различного уровня в разных концах СССР. Наибольшее число случаев было зафиксировано в Алтайском крае (41), Молдавской ССР (38), Свердловской области (33), Литовской ССР (29), Ростовской области (27), Станиславской области (26), Грузинской ССР (25), Киевской области (25), Латвийской ССР (24), Кемеровской области (20) и Эстонской ССР (20)²⁰. Среди облигаций, на которые обратили внимание сотрудники сберкасс, были представлены бумаги как военного времени, так и восстановления и развития народного хозяйства СССР (с 1947 по 1950 г.), конверсионного 2%-ного займа 1948 г., Внутреннего 3%-ного выигрышного займа, а также займов развития народного хозяйства СССР (выпуска 1951 г.).

Раскрытие дел о подделке облигаций осуществлялось как методами агентурной работы, так и благодаря бдительности работников сберкасс и комиссий по уничтожению ценностей. Примером дела, которое было раскрыто благодаря агентурной работе, может выступить история из г. Пензы. В ходе реализации материалов агентурного дела «Фальшивые» сотрудники УБХСС раскрыли в 1952 г. группу поддельвателей облигаций из четырех человек, занимавшихся этим с 1946 г. Глава преступного сообщества В. Н. Зотов за это время подделал 28 облигаций, используя метод снятия верхнего слоя цифр серии облигаций и наклейки новых цифр. Один из участников группы получал выигрыши по поддельной ценной бумаге в г. Саратове. При попытке получить выигрыш по фальшивой облигации была поймана другая соучастница Зотова, но она не дала против него показаний, поэтому не удалось выйти на след преступника. К 1951 г. он усовершенствовал свой метод изменения цифр, для чего применял специальные кислоты, полученные у зубного врача, и изготовленные из алюминия нумераторы. К моменту сообщения об аресте Зотова были пойманы не все его сообщники, поэтому не все подробности дела были отражены в полном объеме²¹.

Примером ситуации, где бдительность проявили сотрудники системы сберкасс и комиссий по уничтожению тиражных ценностей, может стать ситуация в Хабаровской межобластной комиссии. В 1952 г. были обнаружены 7 поддельных облигаций, по которым в г. Александровске Сахалинской области в феврале и марте 1952 г. были выплачены выигрыши на сумму 3900 руб. Подделки были достаточно искусными, поэтому их анализом занимались специалисты Научно-исследовательского института криминалистики ГУМ МВД СССР. Они установили, что подделка была осуществлена путем полной подчистки целого участка с несколькими цифрами серий, подрисовкой линий защитной сетки и проставлением нужных цифр отдельными литерами типографского шрифта²². В ходе розыска преступников и агентурно-оперативной работы было установлено, что подделку осуществил художник-гравер М. П. Прилипко, осужденный Киевским облсудом в 1950 г. за подделку облигаций и приговоренный к 10 годам лишения свободы. Наказание он отбывал в 202-м саперном пункте строительства № 506 МВД СССР. Будучи художником в культурно-воспитательной части, Прилипко использовал свое положение и возобновил подделку облигаций на территории лагеря. Он передавал облигации вольнонаемным шоферам, которые с помощью подставных лиц предоставляли их в сберкассы Александровского и Кировского районов Сахалинской области. По 6 облигациям удалось получить 2400 руб. В ходе обыска у Прилипко были обнаружены еще 4 поддельных облигации, алюминиевые пластинки с цифрами, 2 ампулы спецкрасителя, валик для раскатки красителя, станок для закрепления цифр²³. Органы милиции и БХСС тщательно проверяли лиц, которые в силу особенностей профессиональной деятельности могли быть заподозрены в фальшивомонетчестве (фотографы, граверы, цинкографы, литографы и т. п.)²⁴.

Помимо скупки и подделки этих ценных бумаг встречалось и воровство погашенных облигаций. В частности, в этих правонарушениях могли быть замечены работники финансовых органов. Примером стал случай из Грузинской ССР. 29 ноября 1952 г. при очередном сжигании погашенных облигаций начальник отдела по проверке и уничтожению погашенных облигаций УГТСК министерства финансов Грузинской ССР Т. Ф. Кобрава лично вскрыл 2 запломбированных мешка с пакетами погашенных облигаций и похитил часть из них. Кобрава был членом КПСС, хотя в 1932 г. привлекался к уголовной ответственности за кражу. Преступник был задержан при выходе из здания министерства финансов Грузинской ССР. Хищением облигаций он занимался с 1951 г., в дело был вовлечен и его заместитель. Они планировали реализовывать погашенные облигации через работников сберкасс нескольких районов Грузинской ССР, чтобы повторно получать выигрыши²⁵.

Приведенные примеры не являлись единичными, они вполне явно демонстрируют как отношение граждан к облигациям, так и ряд организационных несовершенств займовых кампаний, которые отдельные лица использовали в преступных целях.

Несмотря на существование официальной нормы, государство стремилось закрепить позитивное девиантное поведение, но законодательная норма не полностью соответствовала требуемому политическому поведению.

Девиации, которые возникали в процессе реализации кампаний, с одной стороны, были порождены организационными несовершенствами их проведения, с другой стороны, демонстрировали сложности функционирования советской экономики в послевоенный период. Государству нужно было решать задачу пополнения государственного бюджета, но и провоцировать социальное недовольство оно тоже не могло, поэтому и сохранялась лотерейная модель получения выигрышей, а также демонстрировалось благотворное влияние средств, полученных в ходе займа, для всей страны. Если между сталинским и хрущевским периодом есть некоторые различия в организационных особенностях реализации займов (суммы выигрышей, проведение подписки), то виды девиаций не менялись (подписка ниже или сверх нормы, скупка и подделка облигаций). Со временем уточнялись способы борьбы с преступлениями в сфере ценных бумаг, но не количество возможных видов правонарушений.

Для большинства советских граждан ценность самих облигаций была невысокой, потому что никаких способов распоряжения ими, кроме получения выигрыша или погашения, официально не существовало. Насущные проблемы и нехватка денег скорее подталкивали к их продаже скупщикам, предлагавшим реальные деньги, нежели ждать выигрыша, который мог и не прийти. Несовершенство государственной политики в данной сфере использовалось криминальными элементами в корыстных целях.

¹ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Принуждение к добровольности: сваговцы и послевоенные займы // Маленький СССР и его обитатели. М., 2021. С. 113–126.; Клинова М. А. «Сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа»: проблематика выигрыша по займам в эго-документах 1946–1957 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 137–146.; Сухарев А. Н. Послевоенные облигационные займы СССР: финансовая конструкция и особенности применения // Финансы. 2020. № 7. С. 57–64.; Forestier-Peyrat É., Ironside K. The Communist World of Public Debt (1917–1991): The Failure of a Countermodel? // A World of Public Debts. Palgrave Studies in the History of Finance. 2020. P. 317–345.

² Напр.: Яркая демонстрация единства // Ленинградская правда. 1948. 5 мая.

³ Например, председатель ленинградского отделения Союза художников СССР В. А. Серов подписался в 1948 г. на сумму в 16 тыс. руб. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 20. Д. 604. Л. 1).

⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-1853. Оп. 8. Д. 34. Л. 2.

⁵ Инструкция Министерства финансов СССР № 182 о порядке ведения городскими, районными финансовыми отделами и центральными сберегательными кассами расчетов, учета и отчетности по Государственному займу развития народного хозяйства СССР (выпуск 1955 года). М., 1955.

- ⁶ Например, в Ленинграде, в ходе подписки на заем 1949 г. известный писатель Ю. П. Герман и актер А. И. Райкин оформили ее ниже своего месячного заработка (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 54. Д. 26. Л. 137).
- ⁷ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1390. Л. 2.
- ⁸ Там же. Л. 8.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 526. Л. 64.
- ¹⁰ Хлевнюк О. В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2022. С. 146–148.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 526. Л. 42.
- ¹² Уголовный кодекс РСФСР (Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов). М., 1950. С. 50–51.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 820. Л. 67.
- ¹⁴ Уголовный кодекс РСФСР. С. 52.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 820. Л. 67.
- ¹⁶ Там же. Д. 819. Л. 25 об. — 26.
- ¹⁷ Там же. Д. 827. Л. 236.
- ¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 178. Л. 172–178.
- ¹⁹ Там же. Оп. 3. Д. 819. Л. 23 об.
- ²⁰ Там же. Д. 813.
- ²¹ Там же. Д. 827. Л. 58.
- ²² Там же. Л. 263.
- ²³ Там же. Л. 275–276.
- ²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 100. Л. 19.
- ²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 830. Л. 28–29.

References

Forestier-Peyrat É., Ironside K. The communist world of public debt (1917–1991): The failure of a countermodel? In Barreyre N., Delalande N. (eds.). *A World of Public Debts. Palgrave Studies in the History of Finance*. London: Palgrave Macmillan, 2020. P. 317–345.

Khlevnyuk O. V. *Korporatsiia samozvantsev. Tenevaya ekonomika i korruptsiya v stalinskom SSSR* [Corporation of impostors. The shadow economy and corruption in Stalin's USSR. In Russ.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. P. 146–148.

Kozlov V. A., Kozlova M. E. Prinuzhdenie k dobrovol'nosti: svagovtsy i poslevoennye zaimy [Coercion to voluntariness: Svagovtsy and post-war loans. In Russ.] In *Malen'kii SSSR i ego obitateli*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. P. 113–126.

Klinova M. A. “Segodnia igraiu s ministrom finansov Zverevym v 1-i tirazh 1-go zaima”: problematika vyigrysha po zaimam v ego-dokumentakh 1946–1957 gg. [“Today I'm playing with finance minister Zverev in the 1st edition of the 1st loan”: the problems of winning loans in ego documents 1946–1957. In Russ.] In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. No. 486, pp. 137–146.

Sukharev A. N. Poslevoennye obligatsionnye zaimy SSSR: finansovaia konstruktsiia i osobennosti primeneniia [Post-War bonded loans of the USSR: Financial design and application features. In Russ.] In *Finansy*. 2020. No. 7, pp. 57–64.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. Д. Новиков. Девиации в процессе проведения внутренних государственных займов 1946–1957 годов в СССР // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 85–95

Аннотация: В статье исследуется проблематика девиаций в ходе проведения кампаний государственных внутренних займов 1946–1957 гг. в СССР. Существующие исследования не рассматривают данный сюжет как самостоятельный. Для работы был привлечен объемный массив документов из фондов федеральных и региональных архивов. Были проанализированы позитивные и негативные варианты девиантного поведения, а также затронуты особенности преступности в советской финансовой сфере. В ходе работы было выявлено, что девиации были обусловлены организационными несовершенствами займовых кампаний, где при существовании закрепленной государством нормы, само же государство провоцировало граждан на позитивные девиации, привлекая для этого средства информационного воздействия. В ситуациях, когда этого было недостаточно, использовались методы, которые не всегда можно было оценить как законные, но и непосредственной уголовной ответственности они за собой не влекли. Необходимость выполнения плановых заданий также требовала от исполнителей государственных решений определенной настойчивости, что также можно определить в рамках девиантного поведения. Кроме того, в статье описаны примеры преступлений, которые происходили в ходе проведения изучаемых массово-политических кампаний. Документы правоохранительных органов демонстрируют исследователям разнообразие способов нарушения социалистической законности, а также обширный перечень граждан из разных социально-профессиональных групп, прибегавших к преступным методам взаимодействия с советскими ценными бумагами. Однако в этих материалах почти не уделялось внимание причинам, побуждавшим граждан идти на подобные деяния, что также подчеркивает проблемный характер практики государственного заимствования в СССР.

Ключевые слова: государственные займы, девиации, облигации, СССР, мобилизационная экономика, нормативное поведение, преступность, социальная история.

FOR CITATION

M. D. Novikov. Deviations in the process of conducting internal government loans in the USSR in 1946–1957 // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 85–95

Abstract: The present article investigates the problem of deviations during the state domestic loan campaigns of 1946–1957 in the USSR. Existing studies have not considered this subject as an independent one. To address this lacuna, an extensive array of documents from federal and regional archives was analysed. A comprehensive analysis was conducted, encompassing both positive and negative manifestations of deviant behaviour. Additionally, the study delved into the intricacies of criminal activities within the Soviet financial sector. The study revealed that deviations were caused by organisational imperfections in loan campaigns, where the state itself, by establishing a norm, prompted citizens to engage in positive deviations, using informational influence as means to this end. In instances where these measures proved ineffective, recourse was headed to methods that, while not always fully legal, did not constitute a breach of criminal law. The necessity to accomplish the designated objectives necessitated a degree of persistence from the actors responsible for implementing state directives, which can be conceptualised as deviant behaviour. Furthermore, the article provides a detailed exposition of criminal activities that were prevalent during the mass-political campaigns under scrutiny. The documents of law enforcement agencies demonstrate a variety of methods of violating socialist legality, as well as an extensive list of citizens from different socio-professional groups who resorted to criminal methods of interaction with Soviet security forces. However, these materials pay little attention to the reasons that motivated citizens to commit such acts, thereby emphasised the problematic nature of the practice of state borrowing in the USSR.

Key words: state loans, deviations, bonds, USSR, mobilization economy, normative behavior, crime, social history.

Автор: **Новиков, Максим Дмитриевич** — к. и. н., старший преподаватель Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Novikov, Maxim Dmitrievich** — PhD in History, Senior Lecturer, Graduate School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: maximnovikov3@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4831-4063